

ЕКАТЕРИНА БАРСОВА

ВЕЛИКИЕ
ТАЙНЫ
ПРОШЛОГО

ТАЙНЫЙ КОД
ГЕНИЯ

Екатерина Барсова

Тайный код гения

Серия «Великие тайны прошлого»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42965998
Тайный код гения: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-101881-8*

Аннотация

Екатерина Ситникова приезжает из Штатов в Москву, чтобы разобраться со странной смертью своего отца, которую квалифицировали как обычный суицид. Ее отец точно не мог покончить с собой, потому девушка настроена найти виновника преступления. Начав распутывать цепочку странных совпадений, она оказывается втянутой в криминальную историю, тянущуюся из 30-х годов XX века. Катя словно переносится в мистическую Москву, где сон и реальность переплетены, где прием в американском посольстве превращается в inferнальный бал, где призраки нехорошей квартиры преследуют даже спустя много лет тех самых москвичей, которых уже ничем не испортишь...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	27
Глава 3	49
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Екатерина Барсова

Тайный код гения

Следует помнить, что всякое художественное произведение является плодом вымысла.

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Барсова Е., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Пролог

Он стоял и смотрел на глобус, который на его глазах наливался нежно-розовым светом и становился похожим на теплый минерал, имеющий сложную слоистую структуру. Эти жилки мысленно перенесли на разлинованную голубым и охристо-желтым поверхность и теперь напоминали ярко-алые нити, подобные мышцам человека в анатомическом атласе. Глобус уже терял свои привычные очертания и превращался в шар, пронизанный алым током. Но это был тревожный алый цвет, ничуть не напоминающий мирный закат, напротив, один уже оттенок этого цвета внушал чувство смутного беспокойства и тревоги.

– Вар-рава, – говорил он хриплым гортанным голосом – Иешуа Га-Ноцри... И с каждым слогом голос его креп.

Еще немного, и он запел бы арию из оперы «Фауст». Но стояло раннее утро, и он боялся разбудить жену, которая спала в соседней комнате. Но от избытка чувств хотелось петь или ходить бодрым шагом.

Теперь он знал, как ему сделать ту самую ключевую сцену романа, более того, он знал, что в ней будет зашифрован тайный код, благодаря которому можно изменить мир, но об этом никто не узнает раньше времени. Он об этом позаботится.

Он с детских и юношеских лет любил разного рода тайны,

шарады. О, как он любил спрятать внутри слова еще один тайный смысл, или набор слогов, которые только предстоит разгадать. И вот теперь ему нужно зашифровать загадку, которую смогут обнаружить немногие. Если вообще доберутся до нее.

Теплый утренний свет лизнул окна, и они налились как елочные золотистые шары.

Ну что ж! Ему осталось только воплотить свой замысел в жизнь. И чем скорее, тем лучше...

Глава 1

Путешествие длиною в жизнь

*Москва, какой огромный,
Страннопримный дом,
Всяк на Руси бездомный,
Мы все к тебе придем.*

Марина Цветаева

Москва. Наши дни

Она смотрела, как самолет, медленно кружа, приземляется в аэропорту – вдали горела ровная полоса огней, молодая женщина перевела взгляд на пассажиров – они сидели при- тихшие, ожидая завершения длинного рейса.

Лица в неярком свете были как на старинных полотнах – бледно-восковые и вытянутые, словно на них уже легла печать смерти.

Это ожидание последних минут чаще всего было особенно невыносимым. Мысленно все уже находились там – в аэропорту, среди встречающих, со своими хлопотами и за- ботами, которые наваливаются на пассажира в момент при- бытия.

И тут в салоне самолета погасли огни.

Мысленно она молилась, это стало у нее привычкой последних лет; после того, как один друг – умерший – пояснил ей, что молитва в такие мгновения скрашивает время ожидания. Ты ведешь диалог с богом, и тебе не до земных дел и забот.

«А кроме того, – прибавил он, – это крайне полезная психотерапевтическая вещь, и это тоже не следует сбрасывать со счетов. Вообще господь бог – лучший психолог и психотерапевт в одном лице. Если что, настоятельно рекомендую».

Женщина невольно улыбнулась, вспомнив эти слова. Но тут же нахмурилась, человек был мертв, и воспоминания о нем были болезненными.

Она откинулась назад и беззвучно повторяла про себя слова молитвы «Отче наш».

Впереди нее тоже молились, женщина прислушалась к бормотанию. Молились на итальянском языке, точнее латыни... Это была молитва Богородице...

Голос был мужским: страстным, убежденным. Ей внезапно захотелось посмотреть в лицо молившемуся, так бывало, когда она еще в детстве пыталась представить себе окружающих людей со спины или по одному голосу. Когда воображаемый образ хоть немного совпадал с реальным, она радовалась, словно решила трудную головоломку.

Самолет кружил и кружил над аэропортом, словно раздумывая, где лучше приземлиться. Это удивляло, потому что

ничего не предвещало никаких сюрпризов. Полет прошел нормально, и оставался последний штрих... – посадка.

Она откинулась назад, и здесь самолет резко и неприятно тряхануло, женщина вжалась в кресло и ощутила, что голодна: в желудке урчало, мысленно перед ней возник бокал красного вина и хороший сыр... она устала, да... Все-таки перелет, длившийся через Атлантику, ее вымотал.

Самолет мощно загудел, пассажиры ощутили тяжелую вибрацию, махина взмыла на краткое мгновение вверх, потом амплитуда пошла вниз... со скрежетом шасси коснулись земли, и авиалайнер покатился по взлетной полосе... Через некоторое время вспыхнул свет, раздались аплодисменты. Правда, она читала, что летный экипаж страшно раздражают эти хлопки, но вслух своего недовольства никто не высказывает.

На борту самолета разом возник шум, и все пришло в движение. Люди стали спешно снимать свои пакеты и сумки с верхних полок и торопиться к выходу. Она поднялась и сняла с полки небольшой рюкзак и пакет. Раздался звонок мобильного.

- Ты здесь? – услышала она в трубке мужской голос.
- Да, мы только что совершили посадку, скоро буду дома.
- Жду. Интересно, узнаешь ли ты меня, – в голосе мужчины послышалась легкая ирония. – И почему ты не захотела, чтобы я тебя встретил.
- Хочу привыкнуть к Москве в одиночестве.

– Это твое право, тогда до завтра. Звони утром, – легкая пауза и щелчок, потом – частые гудки.

Тряхнув волосами, она встала в очередь к выходу: здесь образовалась небольшая давка, все торопились выйти на свежий воздух, утомившись полетом.

Екатерина Сыромятникова никуда не торопилась. Ее никто не встречал, и поэтому она могла позволить себе роскошь задержаться на несколько минут подольше, чем остальные пассажиры. Она прикрыла глаза, чтобы не видеть людскую толчею. Когда открыла – очередь уже заметно поредела. Женщина включила мобильный, и на дисплее возникло лицо отца. Он улыбался, словно хотел подбодрить Екатерину и сообщить, что все в порядке и ничего плохого случиться с ней не может, пока он рядом.

«Да-да, папочка, – мысленно послала она ему сигнал, – я приехала в Москву, и все в порядке».

Вот только ее отца не было в живых уже как три года. Следом за ним ушла и мать. Екатерина скучала по родителям, особенно по отцу, и с годами все чаще ощущала, как ей его не хватает. Интересно, как он отнесся бы к тому, что она сейчас прилетела в Москву, в которой не была с детских лет? Обрадовался бы или, наоборот, сказал, что это слишком опасно?

Екатерина издала едва уловимый вздох: понимая, что это – риторический вопрос и ответа на него она не получит.

В такси водитель пытался разговориться с ней, но она молчала, ей хотелось погрузиться в воспоминания наедине с собой.

Катя даже не ожидала, что придет в такое волнение, когда машина проехала по Тверской, мимо памятника Пушкину, она помнила, как девочкой гуляла здесь вместе с мамой и отцом, как ей покупали мороженое, помнила собственный восторг, разметавшиеся кудряшки и папин запах: табака и терпко-свежего одеколona.

– Вы в Москве первый раз? Туристка? – донеслись до нее слова шофера.

– Не-нет. Я жила здесь. Но давно...

– Москва в последнее время похорошела, стала красивой... Мэр старается. Парк отстроил «Зарядье», слышали, наверное? Сходите непременно, как только появится свободное время. У меня сын был: красота, говорит.

Екатерина хотела сказать, что наряду с помпезным градостроительством в последние годы сносят старые уютные особнячки и здания. Сносят тихо и незаметно. Воровато. Под видом того, что они не представляют собой никакой исторической ценности. Сначала здание обносят декорациями, якобы ставят на ремонт, а потом их убирают. Она читала об этом в Интернете.

– А вы откуда?

– Из Нью-Йорка!

– А, – шофер повертел головой и умолк.

Машина притормозила около старого особняка в одном из московских переулков, Екатерина машинально посмотрела на часы. Около двух часов ночи. Как странно, она столько времени не отдыхала, но спать ей совсем не хочется!

Шофер помог выгрузить вещи из машины, и она посмотрела, как он отъезжает, освещая фарами то одну, то другую часть маленького двора.

«Вот я и в Москве», – с непонятной грустью подумала она. Знал бы папа!

В квартире, которую она открыла ключом, стояла тишина. Включив свет в коридоре, молодая женщина стояла и какое-то время молчала, охваченная воспоминаниями. Это была квартира, в которой они когда-то жили, потом, когда они уехали, в ней поселилась дальняя родственница. Они не продали эту квартиру, хотя целесообразнее было это сделать, но что-то останавливало семью от этого шага.

Правда, теперь после смерти родителей, она могла бы сделать это. Но вместо продажи Катя попросила родственницу освободить квартиру во время ее приезда. Ключ лежал в банке с гвоздями, которая, в свою очередь, стояла в картонной коробке слева от входной двери.

В прихожей все было по-другому, не так, как в детстве: старую мебель выкинули, заменив современной: длинный шкаф-купе, зеркало, постеры в рамках.

Екатерина сняла пальто и положила его на табурет. Раз-

девшись, она прошла на кухню. Здесь ее тоже ждало разочарование – вместо кухонного гарнитура в мелкий цветочек блестела серебристо-белая стенка. Женщина развернулась и, как сомнамбула, пошла в комнаты, обходя их по очереди.

Трехкомнатная квартира состояла из спальни родителей, собственной комнаты и гостиной.

Настоящий сюрприз ждал ее в спальне. Там ничего не изменилось. Все та же кровать родителей, гардероб, стулья с высокими спинками. Мамино трюмо.

А вот ее комната полностью изменилась, она не могла бы здесь найти следов собственного детства, как ни старайся. Может, оно и к лучшему?

Екатерина нахмурилась.

В гостиной из прежней обстановки было пианино, сервант с посудой, два кресла. Все остальное – принадлежало новым жильцам. В том числе плазменный телевизор, контрастировавший с несовременной мебелью.

В мечтах Екатерина иногда представляла себе, как она приедет в Москву, но здесь она растерялась. Ей казалось, что она должна испытывать ностальгию по прошлому, но ничего этого не было. Время стерло все следы сентиментальности, оставив только воспоминания, но без слез и грусти.

Попив чай и съев мюсли с орехами, она легла спать в родительской кровати. Предварительно она нашла в шкафу выстиранное белье и перестелила кровать.

Ночью проснулась, снился сон, странный до невозможно-

сти: бродяга в лохмотьях, пески, хриплый голос: «Вар-рава».
К чему? Она стиснула зубы и зарылась лицом в подушку.

Утро началось со звонка.

– Привет! – услышала она знакомый голос. – Прилетела, моя ласточка?

– Да, все нормально.

– Мог бы тебя встретить, вчера я говорил тебе уже об этом.

– Не стоит, я нормально доехала. Но спасибо за беспокойство, Константин Петрович.

– Не за что, – в голосе мужчины звучала досада. – Никакого беспокойства, даже сама мысль об этом – ерунда. Где и когда встречаемся?

– Я сейчас завтракаю, и можем встретиться в Терлецком парке. У входа.

– Подальше от любопытных глаз? – хмыкнули на том конце провода. – Все правильно: уроки жизни не прошли для тебя даром.

Екатерина вздохнула: о, сколько раз она говорила сама себе: как хорошо, если бы у нее было нормальное детство, как у всех людей, без этих самых «уроков», которые, по мнению современных психологов – закаляют личность. Красивая фраза «все, что нас не убивает, делает нас сильнее» всего лишь слова, имеющие к жизни весьма косвенное отношение.

За завтраком она прислушивалась, как тоненько жужжит

кофемолка, этот звук успокаивал. Екатерина привыкла пить по утрам крепкий кофе с молоком, при этом молока она наливала примерно два пальца и клала один кусок сахара, считая, что подслащенный кофе убивает его вкус. В холодильнике была еда, как ее и предупредила родственница.

За окном плескалась золотая осень, она подумала, что надо перестать трусить. А встать и пойти навстречу неизбежному...

Она не знала, как одеться, женщина привыкла к мягкой нью-йоркской погоде, а здесь климат был более суровым, резким, хотя солнце светило ярко, и дождевых тучек на горизонте не просматривалось.

«Унылая пора, очей очарованье! Приятна мне твоя прощальная краса...»

Пушкина любили и часто цитировали в их доме. Родители страшно боялись, что она забудет русскую речь. Разговоры в доме велись на родном языке, они читали и перечитывали русскую классику. Любимыми поэтами были Пушкин, Тютчев, Гумилев, а писателями – Достоевский и Булгаков.

Булгакова любили особенно. «Мастер и Маргарита» была настольной книгой. Мать и отец любили читать из нее отрывки вслух.

Катя столько раз слушала эту книгу, что знала почти наизусть. Ее охватывало волнение и торжественность, когда мама звучным красивым голосом начинала: «Однажды весною в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриар-

ших трудах, появились два гражданина...»

Это было как начало странного и волнующего приключения, которое не заканчивалось с последними страницами, а продолжалось дальше, даже когда герои уходили в вечность, по мостику через ручей по направлению к дому, обвитому виноградом.

Катя понимала, что в ее воображении все еще живо, и, более того, время и повествование поворачиваются вспять, и она снова оказывается на той самой скамейке на Патриарших, с которой все и начиналось.

Герои книги: и свита Воланда, и сам Владыка Преисподней, обольстительный и недоступный, и незадачливый Иванушка Бездомный, страдающая Маргарита, Мастер – человек трагической судьбы и излома, – все были для нее родными и живыми.

Вымыв за собой посуду, она прошла в спальню и раскрыла рюкзак.

Темно-серая водолазка и черные брюки. Сверху кожаная куртка светло-шоколадного оттенка. Длинные волосы она скрутила в пучок и заколола заколкой. Краситься не стала, только припудрилась и нанесла блеск для губ.

«Все будет хорошо», – сказала она своему отражению.

И в довершение облика – темные очки, скрывающие ее от мира.

Константина Петровича она увидела прогуливающимся

на дорожке и одетым в спортивную куртку и темно-синие джинсы.

Она помахала ему рукой. А подойдя ближе – чмокнула в щеку.

– Привет! Привет! – сказал он, окинув ее быстрым взглядом. – Похудела. На два-три килограмма. Когда я был у вас в гостях пять лет назад, ты была полнее.

– От вас ничего не скроется, – рассмеялась она и сняла темные очки.

– Стараюсь не терять проницательности, особенно по отношению к молодым девушкам, – улыбнулся он. – Рад, что ты здесь.

– Взаимно.

– Погода стоит невероятная. Сто лет не было такой осени, – воскликнул он. – Я, как старый пес, наслаждаюсь каждым мгновением.

– Почему пес?

– Потому что обострены все чувства.

Она задержала дыхание, а потом резко выдохнула.

– Неудача на любовном фронте? Поверь, он не стоит твоих слез.

– Какая хорошая и стандартная фраза для психолога, – съязвила она. – Для тех, кто берет по триста долларов за сеанс.

– У нас намного дешевле и проще. И желающие впарить женщинам всякую туфту всегда найдутся. Но о чем это мы

говорим?

– И правда, – мгновенно откликнулась она.

Они молча пошли по дорожке, усыпанной желтыми шуршащими, как золотистая фольга, листьями. Впереди шли две девчонки с кокер-спаниелем.

– Чарльз! – позвала его одна из них.

– Всех спаниелей обычно зовут «Чарльзами», – сказал мужчина. – Но я назвал Гарри.

– Хотя в этом есть постоянство.

Они словно кружили вокруг, отделяваясь краткими, ничего не значащими фразами, словно боялись приступить к главному. Или просто оттягивали время и копили силы для серьезного разговора.

Ветра не было. Погода стояла ясная, солнце светило мягко, скользило по деревьям, едва касаясь, словно отдавало приветственный поцелуй в щеку.

– Начинай! – попросил он.

Катя остановилась.

– Ты думаешь, это так легко? – И тут же осеклась. – Простите.

Он похлопал ее по руке.

– Ничего-ничего, так мне нравится больше. Говори мне «ты». Твое «вы» делает меня глубоким стариком.

Она молчала.

– Ладно, дорогая трусиха, тогда начну я, если что-то не так, ты меня поправишь. Договорились?

Она кивнула, опустив глаза, девушка боялась слез, которые могли появиться в любой момент.

Два небольших пруда были разделены песчаной дорожкой, вдоль берегов стояли скамейки; сидевшие на них люди наслаждались последними лучами осеннего солнца.

– Думаю, что нам следует уединиться, – предложил он.

– Как скажете, – откликнулась Катя, сейчас она снова надела темные очки, ей нравилось выстраивать между собой и людьми непроницаемую стену. Темные очки – это была безопасность, укрытие и покой.

Дорожка закончилась тротуаром, за ним мелькнула серебристой прорезью вода, и еще один пруд вскоре вырос перед ними – уже начинающий высыхать, утки рассекали воду, как ласточки воздух перед грозой. Вблизи вода была синей со стальным оттенком, словно лед, а сильные кряжистые деревья клонились к воде, казалось, еще немного, и они сольются с ней.

– Красиво-то как! – вполголоса сказал он. – С годами природа радуется больше всего... В ней есть нечто величественное в отличие от людей, которые мельтешат и стряпают свои делишки, не думая ни о ком и ни о чем. Кроме самих себя. Да и о себе-то порой не думают.

Она откликнулась не сразу, замороженно смотря на воду, уток и ржавую позолоту, рассыпанную вокруг.

Девушка снова сняла очки и потерла виски.

– Была бы тут лавочка.

– Зато сзади нас есть пенек, вполне пригодный для двоих.

Они сели боком друг к другу, и у Кати возникло искушение прижаться к этому мужчине, ощутить его силу и поддержку. Он был другом ее отца...

– Тебе нелегко начать, и поэтому я возьму это на себя.

Теперь она смотрела не на воду, а прямо себе под ноги.

– Тебя смущает все.

Она кивнула и смотрела на него прямо, не отводя глаз.

– Смущает смерть отца, в которой больше вопросов, чем ответов.

Она кивнула и поспешно нацепила очки, чтобы спрятать выступившие слезы.

– Да... – ее голос звучал странно и отрешенно. – Почему он выпал из окна?

Возникла пауза.

– Почему ты молчишь, дорогая? – С тревогой спросил он, дотрагиваясь до ее плеча.

– Я думаю, как лучше приступить к этой разгадке.

– Но стоит ли... Может быть, лучше никого не тревожить?

Она посмотрела на него, и в глазах полыхнуло яростное пламя.

– Н-нет, – и Катя тряхнула головой. – Нет! Я не могу это оставить, если бы даже и хотела. Он мне снится, – добавила она уже тише. – С некоторых пор снится почти каждую ночь, он не находит себе покоя там... – подняла она глаза вверх. – И просит меня разобраться во всем этом, иначе он так и бу-

дет между небом и землей.

– Он давно уже нашел покой.

– Отец не приходил бы ко мне просто так. Я записывала эти сны в дневник. Хочешь прочитаю?

И, не дожидаясь ответа, провела пальцем по экрану дисплея.

– А где дневник? – не понял мужчина.

– Он здесь в электронном виде. Я перенесла страницы сюда, чтобы он был под рукой в любое время.

Про себя ее собеседник усмехнулся.

Как изменились времена. При слове «дневник» в воображении обычно возникала распухшая тетрадь, исписанная неровным от волнения почерком, а сейчас вместо тетради – электронный вариант.

«Сегодня я проснулась с легким чувством недоумения. Сон был таким ярким, что просыпаться не хотелось, но, проснувшись, я поняла, что сон – как вещий знак. Или символ перемен, которые неизбежны и сопротивляться им бесполезно. Мне снился отец – исхудавший, в каком-то странном пространстве, напоминающем не то пустыню, не то марсианский пейзаж. Он смотрел не на меня, а сквозь меня. И это пугало, хотелось поймать его взгляд, увидеть радость или восторг от встречи со мной, но я была с ним и в то же время – бесконечно далеко и от него, от этого пейзажа, выглядевшего, как рамка для чьих-то смутных воспоминаний...»

– Красиво! – в голосе Константина Петровича прозвучала легкая насмешка. – Ты писателем стать не собираешься?

Но ему ничего не ответили.

– Меня мучает его смерть, похожая на убийство, хотя все утверждают обратное. Но у меня такое чувство, что если я не отвечу на все вопросы, то не смогу жить дальше. Не знаю, смогу ли я это четко объяснить.

– Я понимаю.

– Он умер, как вы знаете, во время своей поездки в Москву. Кто его вызвал и зачем, мы с матерью не знаем. Мы много раз потом все это обговаривали. И ответа не находили.

– Хочешь все восстановить.

Она кивнула.

– Да. Мы были в Бостоне, когда за ужином он нам внезапно сказал, что должен поехать в Москву. Именно должен, – она потерла лоб.

– А как твои дела? Как диссертация?

– Работаю...

– Сложная тема?

Она кивнула, смотря на темную гладь озера, по поверхности которого кружились, скользили золотистые листья, уносимые течением.

– Если повезет, то получу со временем место профессора в университете или пойду политологом в какую-нибудь корпорацию.

– Ты и серьезность? Как странно, что когда-то маленькая

девочка сейчас мне говорит о серьезности!

Она коснулась его руки.

– Мне и самой многое кажется странным. Словно не было всех этих лет, а мне снова семь, и я гуляю в этом лесу... Какая загадочная непонятная штука время, вроде бы оно есть и вместе с тем – его нет.

– Философствуешь? – усмехнулся ее собеседник.

– А что еще остается делать в этом лесу, когда такая тишина, – она сделала судорожный вздох, и с губ слетел странный звук, словно всхлип.

– Ты кофе не хочешь?

– Откуда кофе? – подняла она глаза на мужчину.

– Позаботился. Раньше я своей Лере все время кофе с бутербродами готовил, – на его лицо легла тень.

Катя понимающе пожала ему руку. Его жена и дочь погибли в катастрофе двадцать пять лет назад. Лере было восемнадцать, жене – сорок пять. Остался сын, у которого были уже дети. Сын работал экономистом в крупном банке, ему удалось сделать хорошую карьеру. Но рана от смерти родных у мужчины не заживала.

Екатерина постаралась перевести тему.

– Так что я уже не та маленькая Катя, а серьезное создание.

– Я вижу, – он прислонился к дереву и посмотрел на воду.

– Только со всем этим надо быть осторожной.

Едва уловимо она нахмурилась.

– Что вы имеете в виду?

– Ничего конкретного, говорю абстрактно. Осторожность никогда не повредит. А потом, мне кажется, ты не до конца договариваешь.

Катя вздохнула.

– От вас ничего не утаишь!

– И не надо. Лучше рассказать все как есть.

Со слов Екатерины вырисовывалась следующая ситуация: она писала диссертацию на тему, связанную с российско-американскими отношениями в тридцатые годы. И здесь неизбежно вырисовывалась фигура Уильяма Буллита, того самого, с которого, по некоторым версиям, Булгаков списывал Воланда. Буллит попал в Россию в судьбоносное время. 1933 год, когда уже не за горами были чистки 1937 и 1938 годов, надвигалась Вторая мировая война, и весь мир вообще катился в тартарары.

Про себя Константин отметил, что Екатерина, похоже, неплохо изучила Булгакова. Буллит был фигурой легендарной, он отбрасывал тень на многие события, происходившие в те годы, был в гуще дипломатических и политических интриг. Ей хочется изучить этот период получше, потому что это тема ее диссертации. И по совпадению, это были проблемы, над которыми когда-то работала их группа.

– Так-так... – рассеянно сказал мужчина, по-прежнему смотря на воду. Ему показалось, что в глубине что-то шевельнулось – не то коряга медленно плыла под водой, не то

подземные ключи забили с новой силой.

– Вы меня слушаете? – спросила Катя.

– Конечно, но лучше, если мы сможем на «ты». Я уже об этом говорил.

Она посмотрела на него изумленным взглядом.

– Это... – ему показалось, что она сейчас скажет слово «невозможно», но здесь озорная улыбка скользнула по губам молодой женщины. – Это непочтительно!

– Вот как! Это я уже настолько и безнадежно стар.

Он нагнулся и поднял с земли камешек. Бросил его так, что он подскочил и срезал несколько кругов. Получилось семь. Он посмотрел на свою собеседницу. Она открыла рот.

– Не уверена, что у меня получится также.

– Попробуй. – Он взял камешек и вложил его в Катину руку, обратив внимание, какая она теплая и мягкая.

Девушка встала и, нагнувшись, запустила камень в воду, который подсек два круга и с легким всплеском пошел на дно.

– Мазила!

– Здесь нужна определенная тренировка, как и во всем.

– Я понимаю.

– Ну, так что? Кофе с бутербродами? Не пропадать же еде?

После того как с едой было покончено и все было аккуратно сложено обратно в темно-синюю спортивную сумку с логотипом «Пума», они еще какое-то время в молчании смотрели на воду, думая каждый о своем.

Незаметно Константин перевел взгляд на свою собеседницу.

Двадцать семь лет – возраст серьезный. Переход от молодости к зрелости. Время, когда иллюзии безвозвратно рассеиваются в нашем мире, чтобы обзавестись... новыми?

– Вы так на меня смотрите, – заметила его собеседница. – Словно хотите... Прочитать мои мысли.

– Это было бы неплохо. Но, увы! Я не волшебник.

Вернувшись домой, Катя сняла куртку, стянула одежду и включила воду. Ей нужно было понежиться, отмокнуть в ванной, чтобы решить для себя кое-какие вопросы.

Сегодняшняя встреча всколыхнула в ней воспоминания детства: парк, залитый солнцем, родители, идущие рядом, и она бежит впереди. Все прошло и безвозвратно рассеялось в этом мире.

Раздался телефонный звонок. Это звонил ее друг. Она слушала его, и внутри все закипало от нежности, обреченности и чувства надвигающейся катастрофы. Он просил ее приехать, и ее долг – быть рядом с ним.

Глава 2

Театральный детектив

Все материальное очень скоро исчезает в мировой сущности, каждое причинное начало очень скоро поглощается мировым разумом. И память обо всем не менее скоро находит могилу в вечности...

Марк Аврелий

Москва. Начало 30-х гг.

Роман, который, как он понимал, должен стать главным романом его жизни, начинался спутанными всполохами. Ему хотелось вместить в него так много, но начинался он как водевиль.

И здесь ничего нельзя было поделывать. Он никогда не писал черновиков, текст рождался сразу набело, но прежде всего он рождался внутри него – сухим чеканным ритмом, фразами, которые вторили шагам, настроению, печали, отголоскам пережитых чувств и эмоций.

Несмотря на то что он не был стариком, порой – и со временем все чаще – он ощущал внутри себя неизбывную тоску, печаль и ощущение конечности этого мира, что и есть пред-

вестники старости.

Главный критерий человеческого существования – время – страшно нивелируется с течением жизни. Если в пору детства и юности время тянется бесконечно, и сама мысль о смерти если и приходит в голову, то только как еще одна эмоция, то с годами конечность времен переживается как трагедия.

Он сразу почувствовал, что роман будет сложным, каким он станет в конечном итоге – предсказать невозможно.

Он был летописцем времени сегодняшнего, но еще больше – прошлого и будущего, доступного не всем. Булгаков любил еще с далекой киевской поры всевозможные шарады и загадки, и вот сейчас ему нужно было зашифровать в романе главный смысл, то, что он непременно собирался донести до читателя. Он любил все свои произведения – относился к ним с трепетом и вниманием, помнил и радовался, когда их печатали, но этот роман – станет особенным.

Роман зрел еще с двадцатых годов – его проблески тайлись и в «Белой гвардии», и в «Роковых яйцах», и в «Ханском огне»...

Герой, Воланд, Сатана... появился первый раз еще в «Белой гвардии».

В восемнадцатом году город сотрясал мор. Разруха и горе... И появляется он – неизвестный... в черном пальто. Он открыл журнал с напечатанным романом: вот те самые строки, когда народ уже схлынул за войском, а Щур сел с разма-

ху на тротуар, неистово смеясь. Его еще сопровождали два спутника. Один из них в бобровом воротнике, известный прототип, прощелыга и пройдоха Шкловский-Шполянский. А вот второй спутник Щура... высокий человек в черном пальто... Он попросит закурить... И Шполянский, вытащив золотой портсигар, предложит ему немецкую безмундштучную папироску.

Эти персонажи стояли перед ним как живые. Незвестный, высокий человек в черном пальто, Шполянский с золотым портсигаром, портсигар непременно. Но пусть будет не маленьким, а большим. А немецкая папироска... – он усмехнулся.

Вечное напоминание на великого немца – Фауста!

Они быстро сворачивают за угол и исчезают...

Он прочитал еще раз этот отрывок вслух и довольно потер руки, да так все и есть.

«Роковые яйца» – о преображении, о нашествии гадов на Москву, но здесь будут гады почище многих – настоящая свита Сатаны, о которой вслух и говорить-то страшно, не то что – видеть.

И ханский огонь – пламя, сметающее на своем пути все. Старое должно быть непременно предано огню. Там горела старинная усадьба. А здесь.

Он посмотрел в окно... здесь, пожалуй, будет гореть Москва. Слишком много скопилось в ней несправедливости и боли, которые должны быть уничтожены очищающим пла-

менем.

– Феся! Феся! – сказал он вслух и рассмеялся. И все началось с Феси. Он не будет давать разгадку, что это за Феся. И ведь никто не догадается. Там на Пречистенке он познакомился с Фесей, еще в доме своего дяди, милейшего Николая Михайловича Покровского.

Феся – представитель рода Фаберже Александр Фаберже. Он скажет, что граф как мужик – и это подтрунивали над самим Фесей. Он развернет иллюстрированный журнал и воскликнет: «Клянусь Мадонной! Россия необыкновенная страна! Графы в ней вылитые мужики». И Феся не солжет...

Причудливые образы томились внутри него. Что же – вперед! Только вперед!

Москва. Наши дни

В зале пахло йодом. Анна не любила этот запах с детства. Однажды она пролила полфлакона йода на пол, забыв плотно закрыть крышечку, и на полу – на линолеуме было выжжено темно-коричневое пятно, напоминающее своими очертаниями Африку. На ее плач прибежал отец и больно ударил по руке, отчего она зарыдала еще больше... из носа пошла кровь. Ее слезы и кровь смешивались с запахом йода, как будто бы она глотала его внутрь – солоновато-едкую влагу, от которой не было никакой возможности избавиться – ни выплюнуть, ни проглотить.

Удар по руке был болезненным, мать потом шептала, что до свадьбы заживет – но это далекая мифическая свадьба никак не вязалась с ее сегодняшним состоянием – жалким и растерянным от несправедливости мира, от того, что рука болела, и на месте отцовского удара была красноватая припухлость.

Ночью она проснулась и, вспомнив о вечере, снова заплакала, уткнувшись в уголок одеяла – так было уютней и безопасней.

...И вот теперь этот запах настиг ее в маленьком экспериментальном театре с говорящим названием – «Булгакофф». Директором театра был ее одноклассник Марк Крамнин – эрудит и человек неумной креативной фантазии. Идеи были в нем ключом еще со школьных лет. Марк был заводилой в классе, и, если где-то что-то случалось, надо было искать «руку Марка».

Все думали, что Марк поступит в театральный или исторический вуз, но он выбрал скучную профессию экономиста и оттрубил в институте пять лет. Потом, правда, его жизнь сделала крутой вираж – он отправился в Париж, в Сорбонну, где проучился два года.

У него во Франции жила какая-то дальняя родственница, которая и приютила российского заморыша, как назвала она его. Бросив Сорбонну, он отправился в Берлин, где тоже были родственники и тоже дальние, затем следы Марка теряются. Его биография, как сказал другой одноклассник Павел

Коротков, приобретала оттенок легендарности. Париж, Берлин, Рим, Амстердам, Марокко и даже Индия.

Что там было правдой, что – выдумкой, сказать трудно. Но три года назад Марк вернулся в Москву. Сначала работал на бирже, вспомнив свое экономическое образование, а потом вдруг переключился на театральные дела. И создал свой театр, назвав его «Булгакофф».

Театр носил статус экспериментального, но некоторые вещи были выдержаны во вполне реалистичном стиле. Во всяком случае, определенную славу в узких кругах театр имел. Его любили студенты и поклонники авангарда во всех его видах.

Марк был худым, его можно было назвать даже тощим, слегка сутулый, темные кудрявые волосы спускались почти до плеч. Он ходил в мешковатых свитерах благородных расцветок и джинсах. И еще его слабостью были длинные шарфы.

С момента возвращения в Москву Марк изредка звонил Анне, приглашая на свои спектакли. Пару раз она сходила, но ей не понравилось, и с тех пор она уклонялась от приглашений под любыми благовидными предлогами. И вот Марк в очередной раз позвонил Анне и пригласил в свой театр на спектакль. Она хотела было отказаться, но настойчивость Марка с добавлением – «мне нужно тебе кое-что сказать» – сделала свое дело, она сказала, что будет.

Спектакль был по ранним рассказам Михаила Булгакова,

главным его действующим лицом был змей, возникавший легкими зелеными сполохами на белом экране, который, по замыслу режиссера, был внутренним «Я» героя, с которым он вел диалог и нескончаемую борьбу.

И вот где-то в середине спектакля возник этот странный запах йода. Анна хотела было выйти, но осталась на месте. Она достала платок из сумки и прижала его к носу... Ей почему-то казалось, что сейчас у нее пойдет кровь из носа, как в детстве от удара отца.

Спектакль закончился, и она вышла в фойе. Там уже находился Марк вместе с блондинкой с коротко стриженными волосами и с большой папкой в руках.

– Привет! – взмахнул рукой Марк. – Это моя помощница Наташа, – показал он на блондинку.

– Добрый вечер всем, – сказала Анна.

– Как спектакль?

– Понравилось. В этот раз ты не экспериментировал, – поддела она его.

Марк рассмеялся.

– Жизнь сейчас состоит из новых форм и средств выражения, технологии рулят.

– Может, я чего-то не понимаю. Если честно, то я не поклонница театрального искусства, – сказала Анна. И это было чистой правдой.

– А зря! Театр – это вещь! – и он прищелкнул пальцами. – У меня к тебе разговор есть один. Так что, приглашаю в свой

кабинет. Любимое место, где я могу предаться сладкому ремеслу режиссера. А иногда и остаться здесь, – и он подмигнул Анне. – Натали! Мы с тобой созвонимся завтра утром. Будь на связи, в боевой готовности часов в девять утра. Но сейчас не уходи, ты можешь понадобиться. Идет?

Натали издала какой-то звук, похожий на писк придушенной мыши, и исчезла из поля зрения.

– У тебя дрессированный персонал!

– Да. – Один конец темно-зеленого шарфа волочился по земле. – С персоналом по-другому нельзя. Иначе разбалуются и сядут на шею, причем в буквальном смысле. Так что тут строгость, строгость и еще раз строгость. Ну что, пошли? – И он взял Анну за плечи. – Приглашаю тебя в святая святых. Кабинет режиссера – это его храм. И кого попало он туда не пустит, учти!

Кабинет Марка представлял собой маленькую комнатку с высоченным потолком примерно под пять метров. Большое окно наделяло кабинет дополнительным объемом и светом. Вдоль одной стены тянулся диван, похожий на пухлую банкетку. Почти до потолка высились книжные шкафы, набитые книгами. На столе вперемешку лежали – толстые альбомы по искусству с золотыми обрезами, книги по философии, художественные романы; в глаза бросился молитвенник в черном переплете с выпуклым крестом на обложке. На этом столе, напоминавшем корабль после кораблекрушения, еще стоял старинный письменный прибор, несколько фотографий Бул-

такова в рамках и без, а также пепельница в виде улитки, на краю красовалась кобальтовая чашка, синяя с золотым ободком, на дне которой скукожилась темная жидкость засохшего чая.

– Д-а, экстравагантно у тебя тут!

Но Марк, словно не слышал ее усмешки, он опустил в массивное черное кресло и сделал жест.

– Садись. Чай, кофе? Или что-то покрепче? У меня есть настоящее шотландское виски, которое хорошо принимать, когда нужно подзарядиться. Кажется, сейчас именно такой случай.

– Н-нет, – помотала головой Анна. – Давай чай. Крепкий и хороший. Настоящий. А не ту подделку, которую продают в наших магазинах. Если у тебя, конечно, он есть.

– Минуту.

Он позвонил по телефону и кому-то сообщил.

– Чай, и побыстрее. А я не стану изменять самому себе. По вечерам хорошо пьется именно виски.

Он нагнулся, достал бутылку виски, плеснул напиток в прямоугольный стакан, который снял с полки, и сделал глоток.

– Не думал, что мне понадобится твоя помощь.

– Именно помощь? Я не ослышалась?

– Никак нет...

Вплыла Наташа с небольшим подносом, на котором стояли две чашки чая, отдельно на блюде нарезанный лимон и

коричневый сахар с щипчиками.

Поставив поднос на стол, Наташа, ни слова ни говоря, скрылась за дверью. А Марк произнес:

– Прошу!

Чай был крепким, какой Анна и любила. Она положила в чашку кружок лимона и опустила два куска сахара. Марк смотрел на нее, сложив руки домиком, а потом выпалил:

– У меня пропал актер.

Анна подняла брови вверх.

– Каким образом?

– Каким, каким! – Марк сделал отчаянный жест, как будто бы рубанул воздух. – Самым тривиальным, если так можно сказать. Ушел из дома и не вернулся. Все у меня не как у людей. Даже в этом. Накануне премьеры один из актеров, играющий главную роль, исчезает. Если бы моя покойная мать знала это, то она бы не удивилась. Мама будто предчувствовала мою судьбу и приговаривала: «Все не как у людей». Слушай, а, может, она напороочила, а? – спросила Марк, смотря на Анну так, словно от ее ответа зависела его жизнь.

– Не знаю. Лучше в это не верить.

– Вот и моя бабушка так говорит.

– Она еще жива?

– Ты еще жива моя старушка. Конкордия Германовна приняла эликсир бессмертия. Иногда мне кажется, что она граф Сен-Жермен в юбке, ей-богу, Ань... Я даже боюсь показываться ей на глаза. Страшно!

– Почему?

– Кажется, она всех людей видит насквозь. А меня – в первую очередь. Согласись, чувство не из приятных. Хочется спрятаться в какую-нибудь норку и уже оттуда не высываться.

– Ты у нее хоть бываешь?

– Бываю. Чаще всего, когда деньги заканчиваются...

– И она снабжает?

– Выговаривает, но дает. Правда, я не злоупотребляю. Но сейчас я лежу на земле нокаутированный. Нет, но ты послушай! Через две недели выпуск спектакля, о котором трубят уже вся московская пресса, ну, положим, не вся, но наиболее продвинутая ее часть, и вдруг исчезает актер, который должен был там играть.

– Давай все по порядку. Можно? Ты перескакиваешь с одного на другое, и я никак не могу сосредоточиться.

– Понимаю, понимаю... Серые клеточки должны работать в логическом порядке. Женская логика.

– Марк, еще один намек, и я уйду.

– Все, молчу, молчу... Феминизм побеждает, мужики скрючились, как хоббиты, и заползли в свои хоббитанские норки, откуда их не вытащишь... Но ты права, надо все по порядку объяснить. Я закурю, с твоего позволения?

– Хозяин – барин.

– Сейчас все помешаны на ЗОЖе, вот я и спросил. Но я сильно не надымлю. После – проветрю. Просто здесь без си-

гары не разберешься... Короче, Рыжикова. Слушай и внимай.

В изложении Марка случившаяся с ним история выглядела следующим образом. Он вознамерился поставить спектакль по «Мастеру и Маргарите». Многие покушались на этот роман: от театральных режиссеров до кинематографистов. Но чаще всего выходило не очень, а попросту говоря, пшик... Но это мало кого останавливало, и каждый считал, что вот он уж внесет незабываемую лепту в «Булгаковиаду». Не избежал этой участи и Марк. За дело он взялся с энтузиазмом, более того, как ему казалось, он ухватил некую изюминку. Правда, в чем она состояла, Анне он не объяснил. Марк также позаботился о пиаре, сделал классический промоушен. Привлек актеров, собрал команду. И на тебе! Актер исчезает.

Марк закурил солидную трубку, что придало ему сходство с Шерлоком Холмсом.

– Ну, что ты скажешь? – наконец, выдохнул он.

– Ты не сказал главное. О спектакле я вроде все поняла, насколько могу судить. Он должен был стать прорывом сезона.

– И номинантом на «Золотую маску».

– Угу. Но кто пропал, конкретно?

– Актер. Владимир Вольф. Приметы перечислять?

Анна кивнула. Ее клонило в сон, сама обстановка этого маленького кабинета-раковины была необыкновенно уют-

ной и располагала к дреме.

– Ты спишь?

– Н-нет, дай мне еще кофе покрепче. И Расскажи мне о Вольфе...

Глубокие тени легли в комнате, как языки пламени. Марк молчал.

– И, кстати, какую роль он должен был сыграть?

– Воланда, – выдавил Марк.

Здесь уж остатки сна слетели с Анны, и она расхохоталась.

– Ну, тот еще сюжет, похлеще многих.

– Да, действительно, смешно. – Огонь в трубке погас, Марк попытался раскурить трубку, но руки его дрожали, и огонек гас.

– Не переживай, Марк.

– Легко сказать, два года кропотливой работы – коту под хвост. Столько я вложил в этот театр, физических сил. Душевных тоже. И такой облом. Полный абзац. – Марк чуть не плакал. – Насчет Вольфа, я попрошу Наташу, она выдаст его биографические данные.

– К нему домой ездили?

– А то! Два раза. И звонили, и стучали, все без толку.

– Соседей опрашивали?

– Рыжикова, не учи меня следовательским приемам. Шерлока Холмса с Агатой Кристи читали, телесериалы смотрели. Опрашивали, конечно, но так как человек он был одинокий, задача усложняется.

– И что ты хочешь от меня?

– Найти его, – выдохнул Марк. – Во чтобы то ни стало. Я за деньгами не постою.

– Я попробую, Марк, но обещать в таком деле – уронить свою репутацию.

– Я все понимаю, но... – Вид у мужчины был несчастный донельзя, и Анне стало жаль его. Чего ей стоило обнадежить человека, но она помнила заповедь, которую внушил ей начальник: «Не разбрасывайся словами зря. И помни – надежду, как лекарство, нужно выдавать в определенных дозах, иначе убьет организм. Не переусердствуй».

– Я попробую, – сказала Анна еще раз. – Не боишься ставить Булгакова? Столько всего рассказывают: непременно разные мистические истории случаются. Вот как все свалится на твою голову. Или ты об этом даже и не думал?

– Думал! – откликнулся Марк каким-то меланхоличным тоном. – Как же не думать-то! Действительно, прежде чем взяться за Михаила Афанасьича, нужно прикинуть: что и как... Но меня все это не смущает...

– А как же исчезновение актера?

Марк почесал голову...

– Ну это да! – мрачно изрек он. – Но все же надеюсь, что найдется! Надежда умирает последней... Кстати, вот тут у меня собраны различные случаи, касающиеся булгаковских постановок... – Он снял сверху папку и раскрыл ее... – Говорю вкратце, так сказать, пробегая глазами... Слушай... Нач-

нем с последнего варианта – фильма Виталия Бортко, который вышел на экраны в 2005 году. Во-первых, получив предложение снять фильм «Мастер и Маргарита» после того, как он закончил «Собачье сердце», к реализации этого замысла он смог приступить только через восемнадцать лет. Так просто Булгаков никому не дается. Учти!

– Учту! – кивнула Анна. – Только это мне вряд ли понадобится.

– Не говори гоп, – моментально ответил Марк. – Кто знает, не зарекайся... Но вернемся к Бортко... Вторая попытка была предпринята в 2000 году спустя 13 лет! – чуешь, тринадцать любимое число Булгакова! Он успел утвердить актерский состав: Галину Тюнину, Дмитрия Певцова, Сергея Маковецкого, Виктора Сухорукова. Но наследник писателя перепродал права на экранизацию американским продюсерам, и все остановилось. Попытка номер три наступила, когда права были выкуплены государственным телеканалом «Россия». При этом Воланда должен был играть Олег Янковский, однако он отказался, а мастера – Владимир Машков, но автокатастрофа, в которую попал актер, перечеркивает эти планы.

Мелкая чертовщина возникает на съемках постоянно, был даже приглашен священник, для того чтобы освятить студию. Но, похоже, это не помогло. К числу расхожих баек о фильме относится и тот факт, что перед началом съемок на Патриарших прудах неизвестный человек подошел к Бортко

и сказал: «Ничего у вас не получится!» И пошествовал дальше... Смешно? По-моему, не очень... Бортко пытался пригласить на роль Воланда после отказа Янковского западных звезд – Гэри Олдмана и Жана Рено, но романа с зарубежными актерами не случилось. Поэтому Воланда в конце концов сыграл Олег Басилашвили. С которым тоже не обошлось без трагического происшествия. Прямо на съемках он теряет голос. Не слабо, да? – Марк оторвался от папки и посмотрел на Анну.

Она кивнула.

– Интересно, что снимать «Мастера и Маргариту» хотел не только Бортко, но также Климов и творческий тандем Алов и Наумов. У Климова не получилось, хоть размах был широкий – с участием зарубежных и отечественных звезд, у Алова и Наумова – тоже не вышло. В этой связи Наумов вспоминал любопытную историю, что однажды ему приснился сон, в котором Елена Сергеевна Булгакова оказывается в его квартире и просит не трогать «Мастера и Маргариту». Вдова писателя пошла к выходу, Наумов – провожая, за ней. По пути ударился коленом о тумбочку. Уже около лифта Булгакова добавляет слова, чтобы никто не трогал последний роман писателя. Утром Наумов просыпается и думает: какой странный сон. И в этот момент видит на колене огромный синяк. Хочешь верь, как говорится, хочешь – нет.

Марк позвонил Наташе, и через десять минут у Анны в руках был адрес Владимира Вольфа, его фотография и био-

графические данные.

Она вышла на улицу, когда фонари уже кое-где погасли, и от этого пространство как-то сразу обезлюдело. Анна подумала, что никогда у нее не было такого фантастического задания – найти то, не знаю что.

На следующий день на работе Анна поделилась со своим боссом возникшей проблемой и услышала от него непонятное бурчанье.

– Говори громче? Что ты там ворчишь себе под нос.

– Могу и громче, – сказал с ехидцей Вася. – Даже с удовольствием повторю. Нам скоро подводить баланс за год. Итоги не особо радуют. В последнее время наблюдается спад деловой активности. Что сказывается на наших финансах и зарплатах. Что я и хочу до тебя донести. На показатели, которые были запланированы, мы не вышли. Кто виноват, не знаю. Если учитывать, что начальник всегда прав, остается стрелки перевести на подчиненную, что я и собираюсь сделать. И на фоне такого кризиса ты мне заявляешь о какой-то фигне, которую на тебя навешал твой бывший одноклассник. Во внерабочее время, Рыжикова, можешь заниматься чем угодно, хоть танго танцевать.

– Почему танго?

– Ну, калинку-малинку. Это – без разницы. А вот в рабочее время прошу уделять силы работе. Официальной. Надеюсь, я выразился ясно?

– Куда уж яснее, – буркнула Анна.

Настроение было разом испорчено. Она посмотрела в окно. Но Вася не унимался.

– Когда нечего возразить, обычно смотрят в окно, надеясь, что там прилетит волшебник в голубом вертолете и бесплатно покажет кино. Нет, Рыжикова, не прилетит. Кина не будет, эскимо бесплатного – тем более. Да и что такое в данной интерпретации волшебник? Прилетит, поматросит и бросит. Только и жди его теперь.

– Все сказал?

– Почти.

– Если есть еще, можешь выплескивать. Настроение уже ничем не испортишь...

Вася почесал свою рыжую гриву.

– Ну ладно, все.

– А теперь послушай меня. У меня скопилось несколько отгулов. Я собираюсь использовать их по назначению – то есть прогулять. Сейчас я напишу тебе заявление, и ты подпишешь его как миленький. И я пойду с работы заниматься делом своего бывшего одноклассника на вполне законных основаниях. Идет?

Вася хотел что-то возразить. Но поглядев в отчаянные глаза Анны, сухо сказал:

– Ну, если так, пиши заявление...

– Отлично.

Анна накатала на белом листе бумаги заявление и протя-

нула его Васе, тот подписал, не глядя.

– Я свободна?

– Да.

– Три дня у меня есть? Есть! Так что до понедельника. –

И она повернулась к нему спиной.

– Да, кстати, – крикнул ей вдогонку Вася. – Если ты вздумаешь заниматься этим делом, советую перечитать «Мастера и Маргариту», вспомнить, чем заканчиваются контакты с нечистой силой.

– Непременно, Курочкин, перечитаю. Можешь даже не советовать, чем заняться в мини-выходные. Решу сама!

Анна вышла на улицу почему-то в хорошем настроении. Может быть, перспектива провести три дня так, как захочется, вдохновила не на шутку. А может быть, ей поскорее хотелось приступить к поручению Марка. Ее уже охватил привкус тайны, который витал вчера в маленьком волшебном театре.

Все, что связано с Булгаковым, Анне представлялось загадочным и таинственным. Она читала о том, что каждый, кто собирается экранизировать или ставить произведения Булгакова, непременно попадают под власть магии и чародейства. И еще никому не удавалось пройти это испытание без потерь. Какая-то чертовщина обязательно случалась с людьми, вовлеченными в постановку, да и сама сценическая площадка становилась полем невидимого боя.

Случилось ли то же с Марком, или здесь было другое? На этот вопрос Анна и собиралась ответить в самое ближайшее время. Но вместе с тем она не собиралась ссориться с Васей или идти с ним на конфронтацию. Она дорожила своим начальником и местом работы – историко-консультативным центром «Клио», где сотрудников было всего два человека: Василий Курочкин, ее шеф, и она, Анна Рыжикова.

Ее встреча с Василием Курочкиным, очевидно, предопределенная сверху, стала для нее кардинальным поворотом в судьбе. Ради Васи, точнее, для того, чтобы работать с ним, она даже поменяла тему диссертации.

После они организовали собственную фирму и пустились в свободное плавание. Было сложно и трудно, но они не сдавались и ни разу не пожалели о принятом решении. Вопросами они занимались самыми разными – от справок и консультаций по истории до расследований детективного характера, с которыми к ним обращались. Вася был известен в исторических кругах, и ему прочили большое будущее. Анна же до сих пор не определилась – стоит заниматься наукой дальше или нет. Во всяком случае, над диссертацией она работала без особого энтузиазма и конца этой работе пока не было видно.

Иногда Анна ругала себя за это, но переломить ситуацию сил не было.

«Лень-матушка, – говорила она себе. – Надо браться за ум и доделать то, что уже наработано».

Но потом эти благие намерения куда-то испарялись, и все оставалось по-прежнему — то есть длилось в вялотекущем режиме.

Но в свою работу она была влюблена. Ей нравилось все: и задания, и расследования, и люди, которые приходили к ним... Домашняя обстановка. Можно было забраться с ногами на диван и с чашкой кофе в руках слушать Васю, увлеченно излагавшего свои теории и выводы.

Ее начальник за последний год остепенился. Раньше его личная жизнь напоминала карусель: одни блондинки сменяли других. Серьезных отношений шеф не хотел и бежал от них, больше всего боясь, как и почти все мужчины, потерять свою драгоценную свободу.

Но сейчас у Васи была Надежда, женщина, которой он был покорен и восхищен. Она была старше Васи на восемь лет, и ее судьба была не очень-то счастливой. Она жила в маленькой квартирке, доставшейся ей после двух грабительских обменов с бывшим супругом, вместе с дочерью и больным внуком. Она ни на что не жаловалась, хотя ей приходилось много работать. По профессии Надежда была орнитологом, кандидатом наук, с работой было то густо, то пусто, и приходилось браться за любые заработки, чтобы обеспечить лечение любимому внуку.

Свою подругу Вася называл «героической женщиной», уважал ее, любил и ценил.

Было около двенадцати часов дня, солнечная дымка, как туман, окутывала деревья. Анна вдруг неожиданно почувствовала себя легкой и молодой, как уже давно не было...

Она взяла телефон и позвонила Марку.

— Алле! — пропела она. — Марк, это я, Анна. Я сейчас еду к Вольфу по тому адресу, который мне дала Наташа.

— Хорошо. Если понадобится помощь, звони мне.

— Договорились.

Владимир Вольф жил в районе недалеко от метро «Достоевская». Анна свернула вправо и пошла между домов, невысоких, крепких, как грибы-груздовички.

Опрос соседей ничего не дал, Владимир Вольф переехал сюда примерно полгода назад. Квартиру он, оказывается, снимал. И куда актер делся, сказать никто не мог, и вообще сложилось впечатление, что его жизнь для окружающих людей была закрыта.

Глава 3

На Патриарших все спокойно...

*Великая любовь и огромные достижения всегда
требуют большого риска.
Мудрость тибетских монахов*

Москва. Начало 30-х гг.

Он проснулся от того, что где-то играла музыка «Фауста». А может, эта музыка звучала внутри него? Опера, которую он в Киеве смотрел более сорока раз, в этот раз звучала как-то тревожно, и он сел на кровати, ощущая, что сердце скачет вверх-вниз практически без остановок. Он вдруг подумал, что роман – это бессонница и учащенное сердцебиение: когда просыпаешься среди ночи и не можешь уснуть, потому что непреходящее беспокойство призывало сесть к столу и писать, но кто-то другой внутри него отговаривал делать это немедленно, потому что ночью нормальные люди спят, а не марают бумагу.

Жизнь в Москве требовала своего летописца, после Киева, который он описал в «Белой гвардии», наступал черед Москвы, города, который он принял далеко не сразу. Роман – это то, на что можно потратить силы в отличие от фельето-

нов и заметок, которые он когда-то строчил в «Гудке», презирая себя, презирая сослуживцев, и самая ужасная правда состояла в том, что уйти ни от себя, ни от окружения было никак нельзя. Трудно было вспоминать о том времени: оно сливалось в сплошную конвейерную ленту – без лиц, без событий, без красок и запахов. Это была настоящая «Дьяволиада»!

Но одновременно он знал, что роман, который зреет в нем, уже однажды сожженный и который дает о себе знать таким вот способом: бессонницей и сердцебиением, от чего становится сухо во рту, он обязан написать. Но контуры окончательного замысла не проглядывали, перед ним словно возникал легкий и удивительный абрис, который еще только следовало наполнить внутренней архитектурой и сложными связями, однако любимый вальс из «Фауста» как будто сигнализировал: все непременно сбудется.

Он вспомнил один случай, который никак не мог забыть. Булгаков любил это место – Патриаршие пруды, они притягивали его. Он помнил, как гулял там с Любой, и она весело смеялась, запрокинув голову в ответ на его слова и шутки. Он любил ее тогда. Любовь к Любе настигла его внезапно, чем-то она напоминала ему яркую птицу, без спроса ворвавшуюся в его жизнь.

Впервые он встретил ее на вечере, на котором чествовали литераторов, приехавших из Берлина. Булгаков неожиданно понял, что эта встреча не пройдет для него даром. Такие ве-

щи он всегда предвидел заранее. Предвидел и страшился их, пытаясь оттянуть неизбежное. Он всегда тянул до последнего, но это была не трусость в ее обычном понимании, это, скорее, была осторожность и неверие, что жизнь предложит ему лучший вариант. И еще его всегдашний скептицизм. Это профессия врача заставляла его смотреть на людей и окружающий мир трезвым взглядом, отмечая все недостатки, всю изнанку жизни.

Патриаршие. Патриаршие. В жару здесь было приятно, хотя пруд небольшой, как лужица, но от воды веяло свежестью и прохладой. Сильные деревья давали тень, и духота летних дней здесь переносилась легче. Он вспоминал тех, кого называл «одесской бандой». Он глубоко презирал их, так же, как и они его.

Иногда они встречались здесь на Патриарших. Эти неразлучные двое – выныривали из тени, и солнечные пятна или чаще всего закатное солнце светило им в спину. Они появлялись словно из сгустившегося воздуха, иногда он думал, что в их появлении есть что-то от гоголевской мистики. Неразлучная парочка! Если вдуматься, то выглядели они прекомично – высокий Катаев и маленький низенький Олеша. Он видел их еще издалека, и эти две фигуры прочно отпечатались в памяти. И вот однажды... Однажды с ними появился третий.

И в этом явлении было нечто страшное и инфернальное. Этот третий... в нем было что-то от дьявола: он шел, при-

храмовая на ногу, высокий, лысый...

Булгаков прищурил глаза, смотря на них.

В мареве фигуры расплывались и приобретали темные очертания. Он не знал: кто был этот третий... Но, когда подошел ближе, в памяти вспыхнула вспышка узнавания. **Это был Владимир Нарбут – поэт, попавший в жернова революции, из которых вышел покалеченный – без кисти левой руки, хромал же он с детства. Говорили, что его родным повезло меньше; в результате налета «красных партизан» брат Сергей был убит.**

В нем было нечто ужасное, то, что отталкивало, и один его вид внушал страх и отвращение. Но троица уже стремительно приближалась к нему. Он помнил, как в Киеве в **девятнадцатом году** этот самый Нарбут читал стихи в кафе «ХЛАМ», стихи богохульные, внушавшие ужас. Где-то они были ему смешны, как неуклюжая попытка самовыражения. Все эти люди не имели никакого понятия об изяществе и стиле. Он помнил, как его семья, когда еще жила в Киеве на Андреевском спуске, выписывала журнал «Сатирикон», и все они, Булгаковы, прочитывали его. Как восхищались Чеховым, Аверченко, Тэффи.

Но эта приближавшаяся троица олицетворяла силы, глубоко враждебные ему.

Булгаков подтянулся. Сейчас они подойдут сюда, к скамейке, на которой он сидел, и надо будет общаться с ними, говорить.

На секунду показалось, что, когда они к нему приблизятся, кто-то из них достанет нож и вонзит к нему. Или отрежет голову. Эта мысль почти развеселила его. Отрежут голову. Как Иоанну Крестителю. И он станет мучеником. Святым. Эта мысль ужаснула его своей правдоподобностью. С тех пор как он приехал в Москву, ему стало казаться, что здесь от него ждут жертвы.

Троица стремительно приближалась. Он не знал: встать или оставаться сидеть на скамье. Он решил не делать никаких телодвижений.

Валя Катаев, подойдя, насмешливо выдохнул.

– Уф! Жара! – И, вынув из кармана платок, вытер шею.

– Там вода, – показал он на киоск на углу. – Выпей воды. Абрикосовой.

– Вы знакомы? Владимир Нарбут.

Нарбут стоял и молча смотрел на него. Сверху вниз. Под этим взглядом было тоскливо и неудобно.

– Михаил, – кивнул он. – Булгаков.

Нарбут важно кивнул в ответ. Потом присел рядом на скамейку.

– Давно здесь?

– Нет. Примерно полчаса.

– Я не об этом, в Москве давно?

– А... это, – Булгаков повертел головой, было чувство, что воротничок жмет шею. – Почти два года.

– И как?

– Возможности есть, нужно уметь воспользоваться ими. Вот сейчас работаю в «Гудке». С ними.

– Нравится?

Это походило не то на допрос, не то на неумеренное любопытство.

– Работа как работа... Хочется писать не только фельетоны, но и большие вещи. Романы...

Нарбут кивнул.

Он еще не знал, что пространство вокруг него уже искривилось, и каким-то странным способом окружающие его люди и обстановка перемещались в пространство романа.

– Мне кажется, твое лицо знакомо.

Здесь он похолодел. И опять непонятно – почему.

– Киев, – внезапно тихим голосом сказал он. – Девятнадцатый год. Кафе «ХЛАМ». Ты читал там стихи.

Глаза Нарбута расширились.

– Точно! – воскликнул он громовым голосом и хлопнул себя по лбу. – Точно! Киев – хорошее было место это кафе. Жаль, что закрылось...

Булгаков хотел сказать еще о Шкловском, но замолчал. Вспоминать этого типа совершенно не хотелось. Холодом веяло от Нарбута, словно в жаркой летней Москве вдруг дохнуло стужей. Или это зимний Киев воскрес в памяти. Презанятное место было это кафе «ХЛАМ» – что расшифровывалось как художники, литераторы, артисты и музыканты. А по буквам – было смешное слово «ХЛАМ». Хлам и есть, лучше

не скажешь...

– Я сейчас за водой. Туда и обратно... – сказал Катаев, срываясь с места...

Он пошел к киоску за водой...

Олеша топтался рядом, словно не решаясь сеть.

– Вот издательство открыл, – будничным тоном сказал Нарбут. – «Земля и фабрика».

– Современное название, – в голосе Булгакова прозвучала насмешка. – Вполне в рабоче-крестьянском стиле. – Он на секунду закрыл глаза, а, когда открыл, увидел немигающие глаза Нарбута, он утонул в них, потом вынырнул.

«Аки змий, право, – подумал он. – Страшный человек. Богохульник».

Странная тоска нахлынула на него. Вдруг захотелось бросить работу в «Гудке» и заняться романами, писать, писать и писать.

Он глубоко вздохнул. Этот ветер, который доносил пресновато-горький запах воды и земли, и распутившейся зелени... Но вместо этого – поденщина, фельетоны!

– Что вы сказали, – перебил его Нарбут. – Фельетоны?

– Я говорил вслух? – удивился он.

– Да.

– Нехорошо, заговариваюсь.

Хотелось попроситься в издательство к Нарбуту, с еще ненаписанным романом, захватить эту территорию, сделать ее своей. Упрочить шаткое положение, но что-то мешало

легко и беззаботно отдаться текущему моменту.

«Никогда и ничего не просите».

А Нарбут сейчас был явно сильнее, чем он, Булгаков.

– Вы ведь, кажется, сын священника? – спросил его Нарбут.

– Кто сказал? – в притворном ужасе воскликнул Булгаков. – Зарэжу, – и он комично схватился за голову. Он всегда любил разыгрывать людей шутливыми сценками. Но сейчас это было не как в юности – от избытка сил и энергии. Сейчас это была форма защиты, юродство, которое спасало от того темного и страшного, что гнездилось в Москве.

Легкая сардоническая ухмылка скользнула по губам Нарбута, но он ничего не ответил.

– А вы знаете, что Бога не существует?

– Как не существует? – возразил Булгаков. – Вы можете представить доказательства?

Олеша рассмеялся.

Но во взгляде Нарбута показался нехороший блеск.

– Могу, – сказал он с каким-то непонятным упрямством. – И докажу.

Вернулся Катаев с кружкой абрикосовой воды в руках.

На губах, как усики была пена.

– О чем спор?

– Вот он, – кивнул Булгаков на Нарбута, – сказал, что Бога нет.

Катаев смотрел на него спокойно. Чересчур спокойно.

– Что ты скажешь?

– Есть, есть! – в комичном ужасе Булгаков воздел руки к небу. – Как это нет? Быть не может, чтобы Бога не было, милосердного и грозного...

Валентин смотрел на него, прищурившись.

– Все юродствуешь, – сказал он с какой-то зловещей интонацией. – Пижонишь! Белогвардейские штучки проглядывают.

Булгаков как-то вдруг сник.

– Да. – Опустил он голову, словно в притворной печали. – Каюсь...

«Лавочка на Патриарших, закат... эта троица... спор о Боге... все могло бы стать началом неплохого романа», – подумал он.

Но о чем? О том, что эти люди нагрянули в Москву и решили здесь заняться дьявольщиной. Точно! Развеселился он. Эти бесшабашные шумные одесситы, левантийцы, пожалуй, ничем другим заниматься и не могут. Чертовщина явно в их вкусе. Особенно этот Нарбут... Но и его, скорее всего, ждет страшная судьба. Виденье промелькнуло и исчезло. Большой Нарбут тонет в темной холодной воде.

– Мы сейчас собираемся в одно место, на литературное собрание. Ты с нами, али как? – спросил Катаев.

– С вами. С вами, а впрочем, не знаю. Расхотелось куда-либо идти.

– Тогда, если передумаешь – догоняй! – Они поднялись и

словно растаяли в теплых весенних сумерках.

Он остался на скамейке один.

– В час небывало жаркого заката, – задумчиво сказал Булгаков. – Однако...

Москва. Наши дни

Теперь Екатерина Сыромятникова была в Москве с совсем другим настроением, чем это было семь месяцев назад. Тот водораздел, который пролег в ее душе, заставил по-другому смотреть на некоторые вещи, в частности, то, что вчера еще казалось важным, сегодня уже потеряло свое значение.

Смерть близкого друга, потрясшая ее, вдруг совсем по-иному высветила ценность жизни. А еще пришло понимание, что жила она, тратя время на ерунду, которая не стоит и выеденного яйца.

«Боже, ну, почему я была такой глупой? – повторяла она, как заведенная. – Ну, почему?...»

Когда ее друг-наркоман, с которым она в последнее время то ссорилась, то мирилась, умер, то она уехала в Тибет.

Как сказал один монах, который на краткое время стал ее Учителем, она уехала в поисках «внутреннего моря». Звучало это очень красиво «в поисках внутреннего моря». Но где же оно было? И что подразумевалось под этим самым «морем»?

Никогда она не думала или, точнее, не задумывалась, что

все, что мы видим – иллюзия, майя, и все рождается в нашем сознании и там же умирает... Не привязываться к вещам, не привязываться к людям. На все смотреть беспристрастным отстраненным взглядом.

После Тибета, где она поднялась на высоту, от которой захватывало дыхание, она вернулась в Америку, а потом в Москву и готова продолжить начатый путь. Ведь ее расследование – тоже путь. Было время, когда она хотела все забыть, но ей сказали, что нельзя уклониться от собственного пути, даже если он извилист и пролегает не так, как это виделось вначале. Если есть искушение свернуть – ты вправе это сделать, но тогда твой путь закончится, и начнется какой-то другой. Уже не твой.

Она собиралась продавать квартиру в Бостоне и начать новую жизнь, и вот, разбирая бумаги в родительской квартире, она наткнулась на странный список, где, как она поняла, были имена и фамилии коллег отца и еще разрозненные листки, начинавшиеся словами:

«Спешу сообщить Вам, господин посол, что подопечный объект – Михаил Афанасьевич Булгаков».

И во всем этом ей предстояло разобраться.

Напротив одного имени – Виктора Алексеевича Сокольского – стояло три плюса. Почему-то он был выделен особо.

В информационной базе ей дали адрес, она поехала туда. Но его вот уже как полгода не было, во всяком случае, где он находился сейчас, никто не знал.

Но одна соседка, молодая женщина с ребенком на руках, сказала, что он устроился работать в театр и даже приглашал ее на премьеру. Но просил пока никому об этом не говорить.

– Какой театр? – наморщила она лоб.

– Что-то связанное с Булгаковым. Кажется, так и называется, «Булгаков».

Москва. Час спустя

– Что. Вам. Надо? – спросил Марк, отчетливо выделяя слова, словно появившаяся перед ним молодая женщина была инопланетянкой, не способной понимать обычную человеческую речь.

На ней была одета легкомысленная черная курточка и не менее легкомысленные обтягивающие джинсы. Шею обвивал шарф лавандового цвета.

Она посмотрела на него с удивлением и задала вопрос в свою очередь:

– От вас ничего, я ищу одного человека.

– При чем здесь я? – спросил Марк, все более и более раздражаясь.

С утра у него болела голова, таблетки не помогали, не помог и стопарик виски, опрокинутый одним махом.

– Но вы же директор театра...

– Ну да, ну да... И кого вам надобно?

– Виктора Алексеевича Сокольского.

– У нас таких нет.

– Вы уверены?

Марк начал терять терпение. Эта девица, смотревшая на него огромными глазищами, напомнила ему другую, о которой он хотел бы забыть. Но вот вытравить из души и сердца эти страницы прошлого, пока никак не получалось. Данный факт вызывал порой досаду, порой – сожаление. А порой – желание повернуть время вспять...

– Я еще из ума не выжил. Как это сделал бы любой на моем месте. Работа ли, знаете, такая архитрудная... То да се...

– Я знаю, что этот человек у вас работает.

– Уверяю вас. Вы ошиблись дверью.

– Я только что была на квартире, откуда он недавно съехал. И соседи сказали, что он пошел работать в театр.

– Какие соседи?! – Марк откинулся в кресле и забарабанил пальцами по столу. Он снова ощутил приступ головной боли и поморщился.

– Я думаю, что разговор окончен. Человека, которого вы разыскиваете, в нашем театре нет и не было.

– Не может быть, – у нее был надменный вид, как у королевы, разговаривавшей со своими слугами. – Посмотрите на эту фотографию. – И она протянула ему небольшой снимок.

Марк, прищурившись, взгляделся в него.

И здесь от неожиданности у него перехватило дыхание. Это был Владимир Вольф, которого он вот уже несколько дней безуспешно разыскивал.

– П-постойте, – от волнения Марк стал заикаться, что случилось с ним крайне редко. – Откуда у вас этот снимок? Здесь изображен актер нашего театра. Владимир Вольф. И он недавно пропал. Кстати, вы не представились. Я, Марк Крамнин, директор этого театра. А вы?

В воздухе повисло молчание.

Молодая женщина внимательно рассматривала Марка, словно решая про себя непосильную задачу: достоин ли он, Марк, того, чтобы ему назвали свое имя. Потом она медленно, словно нехотя протянула ему руку.

– Можете звать меня Екатериной. Я Екатерина Сыромятникова.

Рука была мягкой и прохладной, Марк осторожно пожал ее, словно рука была хрустальной.

Марк потерял кончик носа. Вся ситуация внушала ему смутное беспокойство. И непонятно чем. Кроме исчезновения актера, здесь примешивалось что-то еще, но вот что, Марк пока не мог определить.

– Очень приятно, – пробормотал он. – присаживайтесь.

В кабинет заглянула девушка с короткой стрижкой.

– Я нужна?

– Да. Чай. Кофе, виски, коньяк?

– Кофе.

– Наташ! Организуй! Мне – тоже.

Наташа скрылась за дверью. А Марк, видимо выполняя привычную процедуру, отодвинул толстый том древнегрече-

ской философии и достал оттуда графин с виски. Налил в стаканы, себе плеснул немного. А вот своей новой знакомой налил почти до верха.

– Как говорится, за знакомство.

– Может, вы все-таки мне поясните, что происходит? – задала ему вопрос Катерина.

Марк со вздохом признал, что его опередили: точно такой же вопрос он хотел задать и ей.

– Товарищ Вольф, то есть господин Вольф, так как этого человека мы здесь в театре знаем под этим именем, пропал примерно неделю назад. И с тех пор мы его не можем найти.

– Кем он работал? – спросила Катерина, взяв стакан в руки.

Жидкость горчично-янтарного цвета полыхнула тяжелым огнем в лучах лампы.

– Кем? Кем? – от неожиданности Марк уставился на женщину. – А вы не знали? Актером!

Теперь пришел черед удивиться ей.

– Актером? – произнесла она протяжно. – Ну, надо же! – и здесь раздался ее смех, легкий, переливчатый. Марк даже заерзал.

Демоны воспоминаний, немного приглушенные за последний год, снова показали свои клыки.

«Ты думал, что ты сильный, что ты избавился от прошлого? – вопрошали они. – А вот и нет, вспомни, как она любила по утрам поворачиваться к тебе в постели и смотреть

сонными распахнутыми глазами, а потом качать головой, и ее волосы ложились на подушке каштановыми прядями, извиваясь, как побеги вьюнка. Ты думал, что расстался с тем, что когда-то было дорого? Нет, дружок, не получится!»

«Слаб человек, слаб, почему-то вертелось в голове...»

– Вам плохо? – участливо спросила Катерина. – Вы побледнели.

– Я? Да, голова с утра болит, – пожаловался Марк и удивился. Обычно он был не склонен изливать свои горести и проблемы незнакомым людям.

– У меня есть таблетка.

При этих словах прелестное создание раскрыло свою сумочку и достало упаковку таблеток, название которых Марк прочитать не смог.

– Это что?

– Хорошее лекарство. Американское.

– Вы из Штатов?

– Да.

– М-мм, – промычал он.

Таблетка, пусть и с опаской, Марк втайне не доверял лекарствам, была проглочена и запита водой, и он внимательно посмотрел на молодую женщину.

– А почему вы смеетесь? – спросил он с легкой обидой.

Он не любил, когда над ним смеялись, почему-то вспоминались детские обиды и как его дразнили: «Марк-поросенок, мало силенок».

– Да, так. Просто я не думала, что Владимир Вольф – актер.

– А кто же он, по-вашему? – теперь уже пришла пора удивляться Марку.

– Ну... я его знаю как бывшего военного... правда, может быть, он стал актером-любителем на старости лет.

– Постойте, как это любителем? – чуть ли не вскричал Марк. – У него диплом ГИТИСА. Секундочку! Вы что-то путаете? Наташа! – закричал он.

Секретарша вплыла с подносом, на котором были расставлены чашки, сахарница с щипчиками, печенье и конфеты.

– Вот, не кричите, я быстрее не могла.

– Я не о том, помнишь, нам Владимир Вольф показывал диплом ГИТИСа. Мы еще сняли с него копию.

– Помню...

– Дай эту копию сюда и побыстрее.

Принесенная копия ничего не прояснила, а напротив, еще больше напустила туману. Копия подтверждала наличие у Владимира Вольфа театрального образования, но Катерина отрицала это напрочь. Хотя под конец смягчилась и сказала, что, возможно, она не знает каких-то деталей...

После ее слов Марк удовлетворенно откинулся на спинку стула и закончил все расхожим объяснением, что время меняется, а с ними и люди. Но наличие или отсутствие диплома никак не объясняло факта исчезновения Владимира Вольфа... и наступил момент, когда в маленькой комнате

воцарилось молчание, густое и плотное, как взбитый крем.

– И? – спросил Марк, откинувшись в кресле. – Что будем делать?

– Не знаю. А можно еще кофе?

– Конечно, я схожу за ним сам.

Марк вернулся с чашкой кофе и поставил ее перед Катериной.

– Не слишком ли горячий?

– Я к такому привыкла...

Расставшись, они договорились созвониться завтра и обговорить сложившуюся ситуацию, если она к тому времени не прояснится, но что-то подсказывало Марку, что ничего не прояснится, и все останется по-прежнему: Владимир Вольф – не объявится, и, значит, что вопрос, куда он исчез, будет все еще актуальным.

Катя, выйдя из театра, прошла несколько метров и остановилась. Куда идти, она не знала, включив навигатор, свернула вправо и зашагала по направлению к метро. Но почти подойдя к букве «М», встряхнула волосами и приняла совсем другое решение: она вызвала такси и поехала не к себе домой, а к Константину Петровичу.

Он ничуть не удивился, когда в такси она набрала его номер и сказала, что хочет поговорить с ним по одному делу, которое не требует отлагательств. Выслушав ее, он только сказал, чтобы она купила по дороге закуску, вино у него име-

ется, а вот закуски нет.

Через сорок минут Катя стояла и звонила в дверь, нетерпеливо нажимая на кнопку звонка. Дверь была обита темно-коричневым дерматином, внизу клочья дерматина свисали вниз.

Дверь распахнулась, и Константин Петрович отступил в сторону, пропуская Катерину вперед.

– Проходи. Замерзла? На улице такой ветер, что, кажется, продувает насквозь. Я с Гарри погулял, а в магазин сходить уже поленился, вот и попросил тебя об этом. Хотя гонять дам в магазин – дело последнее.

– Все нормально, – откликнулась Катерина. – Я еды тут накупила, острое, соленое, вредное. То есть образцовую закуску.

Спаниель шоколадного цвета вышел в коридор и посмотрел на Катерину, забавно сморщив нос.

– Какая красота! Это и есть Гарри?

Услышав свое имя, пес гавкнул.

– Тише, Гарри! Свои... Проходи на кухню.

На маленькой кухне было чисто и уютно. Тикали старинные ходики, на плите урчал чайник. Рыжик кот лежал на подоконнике, сощурившись, и смотрел на Катю.

– У вас еще и кот имеется! Счастливый вы человек.

– Подобрал беднягу на помойке два года назад, кто-то выбросил: чистенький был, ухоженный. Прижился разбойник, и не жалуется...

Мужчина ловко расставлял тарелки на столе, доставал хлеб, резал сыр и колбасу.

– Давайте я вам помогу, а то сижу без дела.

– Ты моя гостья, вот и сиди. Что-то тебя сильно удивило, раз ты приехала ко мне.

– Да. Я хотела сказать, что...

– Подожди, давай поедим, а потом будешь рассказывать. Выпьем хорошего вина.

Водрузив еду на понос, Константин Петрович пошел в комнату.

– Есть будем здесь...

Катерина, когда переступила порог комнаты, невольно замерла: в комнате была хорошая мебель, не современное ДСП и не советские стенки, а что-то более старинное, в углу стояла деревянная скульптура девушки – древнегреческой или древнеримской богини, опирающейся на копье. На окнах – тяжелые шторы, как в музее.

Увидев ее удивление, Константин Петрович пояснил, что мебель досталась от матери...

Съев закуски и выпив по бокалу хорошего вина, Катя откинулась в кресле. Ей не терпелось начать разговор, но что-то в движениях и взгляде собеседника останавливало ее. И только когда мужчина допил бокал и отодвинул тарелку, она сказала, подавшись вперед:

– Дело, кажется, все более и более запутывается. Тот, кого я разыскиваю, оказывается, работал в театре, и он – исчез.

– Да? – но Кате показалось, что ее собеседник ничуть не удивился. – Ну, что ж! Чего-то подобного я ожидал.

– Почему? – с удивлением спросила Катя. – У вас были какие-то подозрения?

– Ничуть! Просто интуиция, которая редко ошибается. – А потом добавил тише: – Круг все более и более сужается. Ты не находишь?

– Нахожу... Кто там у тебя следующий в списке?

– Супруги Колосовы.

Он вздернул голову вверх. Супруги Колосовы были убиты несколько дней назад на даче. Говорили, что залез какой-то приезжий гастарбайтер и убил их. Никто не видел его, но все были уверены – это сделал один из тех, кто строил дома в округе. И только Константин Петрович прекрасно понимал, что этого «гастарбайтера» никто никогда не увидит, и тем более не поймают.

Колосовы переехали на новое место жительства. Вряд ли у Кати их новый адрес, пока она найдет, пройдет время. Не стоит ее тревожить раньше времени. Пусть пока побудет в неведении о случившемся. Он сам постарается принять меры. По своим каналам.

– Я все думаю о теме своей диссертации, – тихо сказала Катя. – И прежде всего, о Буллите, сыгравшем такую важную роль в русско-американских отношениях, и вообще в дипломатии двадцатого века...

Москва. Начало 30-х гг.

Роман шел с трудом, не то чтобы не было вдохновения... Оно было, но отвлекали дела разного рода, большие и мелкие. Он рвался к театру, к пьесам. Пространство театра было для него священным, как и тогда, в далеком незабвенном Киеве: как тогда замирало его сердце от рамп, от золотистых солнечных пылинок, пляшущих в воздухе!

О, волшебная пыль театра. Незабвенное время.

При малейшей возможности он играл, актерствовал. Он был готов играть всю жизнь и неважно кого, само упоение игрой, словами, которые вроде бы принадлежат тебе, но в то же время другому персонажу... Эта возможность побыть другим человеком, оторваться от брэнности мира, который давил невыносимой тяжестью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.